

Любовь Новгородцева

Родилась в селе Евгацино Большереченского района Омской области. Окончила Омский библиотечный техникум. Работала библиотекарем в Евгацинской сельской библиотеке, учителем английского языка, бухгалтером. Публиковалась в альманахах «Москва Поэтическая», «Таряне», журналах «Литературный Омск», «Алтай», «Огни над Бией», «Сибирские огни» и др. Автор книги рассказов «Жизнь и ее винтики».

ПИТОМЦЫ

В маленькой кухне с красными шкафчиками, квадратным обеденным столиком и Биг-Беном на фотообоях, похожем на остро заточенный карандаш, преподаватель педагогического колледжа Егор Орехин корректировал рабочую программу. Из бутона настенной лампы на стол с ноутбуком и ворохом бумаг уютно лился желтоватый свет. В комнате за стеной звучала мультяшная песенка про трех котов. Егор шутил, что по вечерам кухня превращается в его кабинет, другого подходящего места, чтобы уединиться для работы, в однушке не было.

— Долго еще? — заглянула в «кабинет» жена.

Егор промычал, что недолго.

Лана прошуршала к шкафчикам, не отрывая от пола ног в теплых тапках (отопление еще не дали, и она мерзла), налила в кружку кипятка, побулькала в нем чайный пакетик, позвякала ложкой о стекло. Затем прошуршала к столу, с глухим скрипом отодвинув стул, села напротив мужа.

Егор догадался, что у нее назрел какой-то важный вопрос. Потер переносицу, поправил очки. Извинился улыбкой за свою вечную занятость.

— Ты хоть помнишь, что у Дениса скоро день рождения? — в красивых желто-карих глазах жены промелькнул укор.

— Конечно.

Через неделю их сыну исполнялось пять лет.

— Что будем ему дарить? — тонкие пальцы с голубыми ногтями выжидающе постучали по столу.

Преыдущие четыре раза этот вопрос заставлял Егора врасплох, к пятому он был готов.

— Динька котенка просит. Давай котенка и подарим.

Плечи Ланы, укрытые роскошными светлыми волосами с перламутровым отливом, раздраженно шевельнулись.

— Я же серьезно спрашиваю!

— Так и я серьезно!

В последнее время Егор стал замечать, что между ним и женой пропадает взаимопонимание. Винил в этом десятилетнюю разницу в возрасте, которая прежде не мешала, но теперь все-таки дала о себе знать. За шесть лет брака Лана как будто повзрослела, стала независимой, мнение мужа больше не было для нее таким весомым, как раньше. Беспокоило Орехина и другое: жена цвела, добавляющиеся годы только подчеркивали, укрепляли ее красоту, а он уже потихоньку старел, появились залысины, подтянутую фигуру испортил небольшой животик...

— Ты не понимаешь, что такое котенок в доме! Он будет гадить, блевать, драть обои и мебель! А еще линять и делать затяжки на одежде!

О неудобствах, которые могут возникнуть, если завести питомца, Егор не подумал, но сдаваться все равно не собирался.

— У многих есть кошки. Значит, не так все страшно.

— Меня не волнуют многие! — рассерженно зашипела Лана. — Если многим нравится жить в кошачьей вони и волосне — пусть живут!

— Ну что ты говоришь? — поморщился Егор. — Купим ему домик, когтеточку, приучим к лотку...

Лана порывисто встала. Едва не опрокинув, схватила со стола кружку с чаем, сделала несколько больших глотков, остатки выплеснула в мойку.

Егор опустил взгляд в монитор ноутбука, искал в таблице место, на котором остановился. Не нашел. Снова посмотрел на жену.

— Между прочим, для полноценного развития ребенка очень важно иметь домашнее животное.

Лана с демонстративным молчанием вышла из кухни.

***

Утро следующего дня началось, как обычно. Денис капризничал, Лана психовала, собирая его в сад.

Орехин торопливо сжевал бутерброд, запил кофе. Крикнул из прихожей, что уходит. На лестничной клетке встретил соседа-пенсионера со светло-рыжим лабрадором, поздоровался с обоими. Прохладный собачий нос дружелюбно ткнулся Орехину в руку. «Может, собаку подарить? Шпица, например», — мелькнула мысль.

В маршрутке к Егору подседа женщина с пластиковым контейнером, из-за решетчатой дверцы которого круглыми перепуганными глазами смотрел на людей толстомордый кот. «Их еще и по клиникам возить надо, — прозвучало в голове недовольным голосом Ланы. — Кастрировать и все такое...»

На работу Орехин едва не опоздал: пробка в центре рассасывалась чересчур долго. Звонок на первую пару застал его на вахте.

— От двести пятой ключ уже забрали, — развела руками пожилая вахтерша.

Открыв дверь в аудиторию, Егор увидел стайку студенток-первокурсниц, окруживших ближний к выходу стол и о чем-то оживленно щебечущих. Появление преподавателя вспугнуло их, они разлетелись по местам, оставив на парте сумку-переноску для животных. По зеленому боку сумки тянулась веселая бордовая надпись «Мой питомец», подчеркнутая цепочкой бордовых кошачьих следов. У сидевшей за партой девушки празднично розовели щеки.

— Что это? — строго спросил Егор. — Зачем вы принесли это на занятия?

Девушка не торопясь убрала переноску под стол и сообщила:

— Это не я. Это мне подарили. У меня сегодня день рождения.

— Поздравляю, — буркнул Орехин.

Пока он доставал из портфеля бумаги и искал нужный конспект лекции, студентка-именинница несколько раз успела заглянуть под стол и поправить там сумку.

— Отнесите вы ее в гардероб! — не выдержал Егор, раздражаясь от ерзанья девушки.

Студентка вскинула исподлобья упрямый взгляд, словно приготавливалась защищать от преподавателя свой подарок:

— Не могу. Там же питомец!

— Какой еще питомец? — оторопел Егор. Это же надо быть такими безмозглыми, чтобы принести на пары животное!

— Да нет там никого! — фыркнула некрасивая девушка Соня, сидевшая за первой партой у окна.

У Сони была какая-то чересчур тонкая шея, и ее голова — с короткой стрижкой и глубоко утопленным подбородком — напоминала Орехину шарик на палочке. Наверное, поэтому он с первого занятия запомнил ее имя.

— Если он воображаемый, это не значит, что его там нет! — накинулись на Соню одногруппницы. — Для нее он есть!

— Мозги у вас, видно, тоже воображаемые, — пробурчала Соня.

«Издеваются они надо мной, что ли?» — Орехин приготовился услышать чей-нибудь приглушенный смешок, но в аудитории установилось напряженное молчание. Щеки именинницы сделались нервно-пунцовыми. Ее подружки нахохлились, поджали губы.

Соня перехватила недоуменный взгляд Орехина.

— Вы про Ираклия Наумова не слышали? Загуглите. И всё поймете.

— Так, ладно... — он поправил очки на переносице, положил перед собой найденный конспект. Пора было поворачивать занятие в нужное русло. — Проблемы с мозгами обсудите позже. Сейчас мы будем говорить про артикли.

Орехин любил свою работу. Она была для него больше, чем просто источник дохода. Он нырял в нее с головой — и все непонятное, неприятное, беспокоящее оставалось «на берегу», как сброшенные пловцом вещи. Вынырнув в конце рабочего дня и вернувшись к «вещам», он обнаруживал, что какие-то из них потеряли остроту и важность, какие-то предстали в ином цвете, а какие-то и вовсе исчезли.

«И зачем я вчера спорил с Ланой из-за котенка? — посмеивался над собой Орехин, шагая на остановку и любуясь зардевшими рябинками. — Взять в квартиру животное — это то же самое, что обзавестись новым членом семьи. А если кто-то из нас пока не готов к такому, значит, не стоит торопить события, вот и все».

Автобус-гармошка, идущий в нужном Орехину направлении, подкатил вперед маршрутки, и Орехин решил маршрутку не ждать — втиснулся в душный, забитый пассажирами салон. Ехать предстояло долго. Чтобы не мешать тем, кому выходить раньше, Егор стал пробираться вглубь, к окну, и почувствовал, как ему в колено уткнулось что-то твердое, но не прочное, не то из картона, не то из хлипкого пластика. Он глянул вниз и удивился знакомой зеленой сумке-переноске с бордовой надписью на боку. «Не надоело ей этот подарок весь день за собой таскать?» — мысленно усмехнулся он и уже хотел в шутку поинтересоваться, как там воображаемый питомец себя чувствует, но обладателем сумки неожиданно оказался рыжебородый парень. Студентки-именинницы поблизости не было.

«Ничего особенного, просто две одинаковые переноски», — сказал себе Егор, но отделаться от странного предчувствия, что неспроста эти переноски появились в городе, не смог.

Дома уютно пахло гречкой и котлетами.

— Привет! — выглянула из комнаты жена в теплом плюшевом костюме с заячьими ушами на капюшоне. — Давай раздевайся, мой руки, и мы тебе кое-что покажем!

«Не сердится», — с облегчением отметил Егор.

— Пап, давай скорей! — запрыгал от нетерпения Денис. Его светлые волосы пушисто взметались и опадали, отчего он становился похожим на веселый одуванчик.

— Ну? Что там у вас? — подыграл Егор. — Вы приготовили мне сюрприз?

— Почти, — Денис за руку подтянул его к дивану и, когда Егор сел, забрался к нему на колени. — Мам, давай!

Лана протянула планшет. Динька торжественно нажал пальчиком на треугольник в центре экрана.

— Всем привет! — на экране появился веселый парень лет двадцати с черными, разделенными на пробор волосами. — С вами я, Ираклий Наумов, и мой котенок Пушистик.

«Не тот ли это Ираклий, о котором говорила Соня?» — заинтересовался Орехин.

— Если вы на моем канале первый раз, то вам, наверное, хочется спросить, где же Пушистик. А вот он! — с видом фокусника парень подтянул к себе зеленую переноску и растянул молнию на дверке. — Кс-кс, выходи!

Из переноски никто не вышел, однако губы Ираклия растянулись в ласковой улыбке, черные глаза заискрились радостью. Глядя перед собой на пустой стол, парень засюсюкал:

— Пуши-и-истик, Пуши-и-и-истик... Дай-ка, я почешу тебе за ушком... — он пошевелил согнутым пальцем, как будто в самом деле почесал за ухом котенка. — Вот так, вот так... Теперь за другим... Чем мы сегодня будем удивлять наших подписчиков? Давай расскажем, как вчера ты во дворе испугался собаки и мне пришлось снимать тебя с дерева.

Парень принялся рассказывать историю, не забывая при этом «играть с Пушистиком».

— Ай! Хватит царапаться! — вскрикивал он, прерываясь на полуслове, грозил пальцем невидимому питомцу, тут же отдергивал руку, осматривал ее с озабоченным видом, дул на «поцарапанное» место. Это выглядело так натурально, будто перед ним и в самом деле был котенок, не видимый никому, кроме него.

Динька звонко смеялся, наблюдая за представлением. Лана улыбалась, ей тоже нравилось.

Егора охватило чувство, похожее на тоску — ноющее, гнетущее: вот он, пример для подражания у современной молодежи. Талантливый, взрослый парень, ему бы в театре играть или в кино, или другим чем-нибудь полезным заниматься, а он ерундой страдает, кривляется перед камерой... И ведь смотрят. Подписчиков уже несколько тысяч.

— Воображаемый питомец — это круто! — подытожил свое выступление Иракий Наумов. — Его не нужно кормить, за ним не нужно убирать. Если вы собираетесь поехать в отпуск, не нужно ломать голову, куда его пристроить. К тому же у вас и ваших детей будет развиваться воображение, а это о-о-очень крутая штука! Напоминаю, что приобрести такое чудо, — он погладил переноску, — вы можете в интернет-магазине «Мой питомец», ссылку я оставляю под видео.

— Что думаешь? — спросила Лана, манерным движением руки зачерпнув за спиной волосы и выправив их на плечо. Она всегда так делала, когда ожидала от мужа похвалы.

Орехин понял, что пахнет очередной размолвкой. Ничего хорошего он не думал.

— Где ты нашла этого афериста? — спросил вместо ответа.

— Почему — афериста? — в голосе жены проскользнули обиженные нотки. — По-моему, он гений! Ко мне сегодня приходила клиентка на ногти, она и посоветовала. Говорит, купили дочке такого питомца. Дочка довольна, и сами довольны. Это идеальный компромиссный вариант! И Денис согласен. Правда, Денис? Хочешь себе воображаемого котенка?

— Хочу! Хочу! — Динька-одуванчик радостно запрыгал по дивану. — Я назову его Джонни!

— Да и вообще! — Лана раздраженно закинула волосы обратно за спину. — Сейчас воображаемые питомцы в моде! Почитай отзывы в интернете. Уже многие себе купили, и никто не пожалел!

— Но это же просто дурь какая-то! — Егору хотелось взять Лану за плечи и хорошенько потрясти, чтобы стряхнуть с нее этот странный морок. — Как можно настоящее заменить воображаемым? Да еще и покупать! Хочешь, я тебе этих котят штук пятнадцать навоображаю? Да что мелочиться? Давай машину вообразим! А лучше две, ты себе, и я себе!

Динька перестал прыгать, прижался к матери, с непониманием, испуганно, уставился на отца.

— Денис, вот ты мне скажи, — по-взрослому обратился к нему Орехин, — какой питомец лучше: воображаемый или настоящий?

— Выбжааемый, — не очень уверенно сказал сын.

— А почему он лучше?

— Ну... — Денис замялся, полез указательным пальцем в нос, словно надеялся достать оттуда ответ. — Он интересный... И развивательный.

— Это ты сам так думаешь или мама сказала? — Орехин не сомневался, что Лана уже успела «обработать» Диньку, как ей надо.

— Сам, — Денис отнял палец от ноздри и оживился: — Его даже в садик можно с собой брать! Алинка Куликова приносила!

Гневный взгляд Ланы, которым она все это время пыталась прожечь Егора насквозь, сменился торжествующе-победным.

***

Как ни был Орехин против, зеленая переноска с бордовой надписью «Мой питомец» и воображаемый котенок Джонни вскоре появились у них в квартире.

— Папа, смотри какой он миленький! — Денис складывал ладошки в горсть и совал их Егору в лицо. — Он хочет с тобой играть!

— Мне некогда, — отворачивался Орехин. — Маме отнеси, пусть она поиграет.

Динька нес пустые ладошки Лане.

— Ой, кто это тут такой хорошенький? — принималась ворковать Лана. — Чьи это лапки? Чей это хвостик? Чей это носик?

Егора мутило от ее приторного тона.

Сначала он думал, что жена подыгрывает сыну с таким усердием нарочно, потом стал замечать, что она увлеклась игрой в воображаемого котенка чуть ли не больше Дениса. Когда они все вместе возвращались откуда-нибудь домой, Лана первая вспоминала про питомца, еще с порога начинала сюсюкать:

— Как же наш Джонни тут один? Скучал без нас?

Динька бежал к переноске, место для которой определили в промежутке между его диванчиком и шкафом. Возвращался с жалостливо сдвинутыми бровями, сообщал чуть не плача:

— Да, мам, он скучал...

— Интересно, сколько живут воображаемые питомцы? — съязвил однажды Орехин. — Когда он у вас сдохнет?

Денис испуганно глянул на него и вдруг горько разрыдался.

— Думай, что говоришь! — шикнула Лана, подхватив сына на руки и поцеловав в макушку. — Не плачь, папа шутит. Наш Джонни никогда не умрет.

В другой раз Лана сама довела сына до слез, когда не разрешила спать с Джонни.

— У него есть свое место! — строго сказала она. — Нельзя его расповаживать!

Тогда уже Егор зашипел на нее:

— Тебе не кажется, что ты заигралась?!

Впрочем, заигралась не только Милана Орехина. Заигрались все. Зеленые сумки-переноски расплодились по городу подобно вирусу, поражающему мозг. Егор встречал их повсюду: на остановках, в транспорте, в гостях, видел из окон в руках прохожих, на скамейках в парке рядом с влюбленными парочками, в корзинах детских колясок, на коленях у старушек, выходявших погреться из остывших квартир на лавочки под осеннее, еще теплое в дневные часы солнце...

«Люди! Откройте глаза! Вы нянчите пустые сумки! Вы сходите с ума!» — хотелось кричать Егору, но он понимал: бесполезно. Если даже собственная семья его не слышит, то чужие люди не услышат и подавно.

Иногда в голове у него вспыхивал вопрос: «Что же делать?» Этот вопрос нападал, словно воин с саблей, требовал чего-то и пугал. Егор, злясь на самого себя, неуверенно отбивался: «Что я могу? Один против всех? Может, просто подождать, когда они наиграются? Когда-то же им должно это надоест».

— Не переключайтесь, после рекламы мы покажем интервью с известным блогером, лидером общественного движения «Свободу питомцам!» Ираклием Наумовым! — торжественно сообщила губастая ведущая местных новостей.

Орехина неприятно удивила прыткость этого парня. Уже и общественное движение замутил, и на телевидении засветился. Далеко пойдет.

Ираклий появился на экране в зеленой футболке с бордовой эмблемой из букв «С» и «П», заключенных в кольцо из кошачьих лапок. Черные, разделенные на пробор волосы «по-звездному» блестели. Черные глаза сияли от восхищения самим собой.

— Ираклий, расскажите, пожалуйста, об идее, которую ваше общественное движение хочет донести до народа, — попросила ведущая. — В каком смысле — свободу питомцам?

— В прямом! В самом прямом! — энергично заговорил в камеру гость программы. — Люди держат в своих квартирах кошек, собак, других животных и полагают, что это хорошо. Никто почему-то не задумывается, что это похоже на тюрьму. Животные вынуждены сидеть взаперти, и если собак еще выводят на прогулки, то многие кошки, не говоря уже о грызунах или птицах, вообще не знают, что такое трава, деревья, небо...

— То есть вы призываете людей выпустить питомцев на улицы города?

— Нет, на улицы города — ни в коем случае. Я призываю создать для них за городом заказники, чтобы они могли жить в естественных природных условиях и в то же время находиться под защитой человека.

— Но почему вы думаете, что животным будет лучше в заказниках? — вежливо усомнилась ведущая. — Они привыкли жить в квартирах, привыкли, что люди о них заботятся. В естественных условиях им придется самим добывать еду, мерзнуть в холода, мокнуть под дождем, драться за территорию...

— Да, для них это будет большим стрессом, — живо подхватил Ираклий. — Поэтому я думаю, что питомцев к жизни в заказниках нужно будет приучать постепенно, как приучают детей к детскому саду.

— Звучит как «насильственная свобода»... — сказала ведущая и улыбнулась, предлагая оппоненту поскорее разубедить ее, а заодно и зрителей.

— Свобода — это лучшее, что мы можем дать своим питомцам. Это лучшее доказательство нашей к ним любви, — глаза Ираклия залучились светлой грустью. — Представьте себя на их месте. Представьте, если бы мы были питомцами у каких-нибудь больших существ. Они уходили бы на работу, на целый день запирали бы нас в своих жилищах... Все наши познания о мире ограничивались бы квартирой и видом из окна... Что бы вы предпочли: сытую жизнь в плену или полуголодную на свободе?

— А как в таком случае быть одиноким людям? Они заводят домашних животных, чтобы хоть кто-то скрашивал их одинокую жизнь.

Ираклий встрепенулся:

— Есть замечательный альтернативный вариант — воображаемые питомцы!

«Гениально! — хмыкнул Орехин, чувствуя, как его переполняет отвращением к этому ушлому пареньку. — Сдавайте своих настоящих животных в заказники и покупайте у меня воображаемых!»

— Время нашего эфира подходит к концу, — заторопилась ведущая. — Может, вы хотите еще что-то сказать телезрителям?

— Да! — решительно кивнул блогер. — Я хочу попросить всех равнодушных о помощи. Власти уже пообещали нам выделить территорию для двух заказников, но нужны финансовые средства, информационная поддержка, волонтеры...

Орехину показалось, что у него зашевелились волосы на голове. Всегда считал это образным выражением, но они как будто и впрямь зашевелились от услышанного. Неужели люди повелись? Власти повелись? Как такое вообще возможно? Кто он — этот парень? Откуда взялся? Что за суперспособностями он обладает?

У каждой идеи, у каждого дела, каким бы хорошим оно ни было, всегда находятся противники и критикующие, однако у воображаемых питомцев и заказников они не спешили объявляться. Орехин просмотрел тучи комментариев под видео шустрого парня Ираклия — ни одного ругательного отзыва. Попытался найти разоблачительные ролики или статьи других блогеров — как будто кто-то специально следил за этим и не пропускал ничего подобного в интернет. Зато сообщения с призывами поддержать движение Ираклия Наумова забили Орехину чаты во всех социальных сетях и мессенджерах. Остановки, заборы, подъезды покрылись ядовито-зелеными листовками. Молодые люди с ящиками для пожертвований, в зелено-бордовых жилетах, надетых поверх осенних курток, заполнили площади и подземные переходы...

— Я же говорю, он гений! — воскликнула Лана, когда Егор поинтересовался, что она думает о новой идее ушлого блогера. — Он открыл людям глаза! Все мои клиентки его обожают!

Услышать от нее что-то другое Егор почти и не надеялся.

Мучительное «что же делать?» не отступало, наседало, требовало. Орехин чувствовал себя загнанным в угол, беспощадность холодного сабельного клинка давила под подбородком. Нужны единомышленники, хотя бы один единомышленник, иначе не выжить в этом безумии. Только где их искать? Почему они молчат? Не хотят быть первыми? Но ведь кто-то должен быть первым, бросить клич, чтобы отозвались другие!

Осознание «если не я, то кто» обожгло Орехина ночью. Он уже несколько ночей толком не спал, в голове шумело от недосыпа, будто в морской ракушке. Сон, тонкий, рваный, как старое одеяло, не приносил отдыха, но даже и такого сна приходилось ждать по полтора-два часа.

Осторожно, чтобы не спугнуть мерное сопение жены и сына, Егор выбрался из постели, нашарил на тумбочке очки, телефон. На кухне, подперев спиной настенный Биг-Бен, тыкая вспотевшими пальцами в экран, то и дело попадая не в те буквы, набрал небольшой пост:

«Люди, очнитесь! Вас дурят! Ираклий Наумов — гениальный аферист, он продает вам воздух! Настоящая цель организован-

ного им движения «Свободу питомцам!» — нажать еще больше! Сдав своих настоящих любимцев в заказники, а по сути это будут самые настоящие концлагеря для животных, вы пойдете к нему покупать воображаемых. Вот для чего он всё это затеял! Неужели вы этого не понимаете? Не будьте дураками, прошу вас!»

Утром его грубо растолкала Лана. Красная от гнева, с всклокоченными волосами, она пихнула ему в лицо телефон:

— Ты что, с ума сошел? Зачем ты написал это?

Сонный Егор не сразу сообразил, что от него хочет жена, взял телефон в руку, сощурившись, всмотрелся в экран. Ах да, пошла реакция на его заметку! Уже есть несколько комментариев! Он взволнованно сел на постели, толкнул большим пальцем ленту, прочитал возмущенные отклики:

«Как вы можете такое говорить? А еще преподаватель!»

«Егор Александрович, такого мы от вас не ожидали!»

«Орехин, ты сбрендил? Что ты несешь?»

Самый последний комментарий написала Лана: «Страничку моего мужа взломали, это не он».

— Мне стыдно за тебя! — выкрикнула она и в каком-то истерическом припадке топнула босой ногой по холодному полу. — Удали, пока еще не поздно!

Егор посмотрел на жену с внимательным беспокойством, как доктор на пациентку, подхватившую неизвестную болезнь: есть ли шанс ее вылечить? Перевел взгляд на сына. Тот сидел, вжавшись в угол своего диванчика, высоко сложив на груди руки: держал воображаемого Джонни. Вид жены и сына только подхлестнул желание бороться.

— Нет, — твердо сказал Орехин и удалил комментарий Ланы о том, что его взломали.

***

На лестничной клетке он, как всегда, встретил соседа-пенсионера с лабрадором. В одной руке сосед держал собачий поводок, в другой — переноску с логотипом «Мой питомец».

Егор едва не застонал: и этот «заразился».

— Тоже воображаемого завели? — изо всех сил стараясь быть дружелюбным, кивнул он на сумку.

— Да, — вздохнул сосед. — Когда Лорда отпустим на свободу, дома станет пусто. А так хоть этот, воображаемый, останется. Решили с супругой купить заранее, будем привыкать.

Пес заискивающе глянул на Орехина и махнул туда-сюда хвостом, словно извинился за глупость своего хозяина.

— Вы уверены, что Лорду в заказнике будет лучше, чем с вами? Сосед простодушно удивился вопросу:

— Конечно! Там ему раздолье, будет бегать, резвиться. А тут что? Гулять ходим на поводке...

— Мне не нравится идея с заказниками, — осторожно поделился Орехин. — Представляете, какие площади нужно выделить, чтобы для всех животных города там было раздолье? Они же перегрызутся в этих заказниках... А зимой, в морозы как?.. Раздолье можно для них и самим время от времени устраивать. Выехать за город да отпустить с поводка.

В глазах соседа появилось то же обиженно-упрямое выражение, которое Егор видел в глазах Ланы, Диньки, студентки-имениницы, которой одноклассники притащили сумку с воображаемым питомцем прямо в колледж.

— Ладно, хорошего дня, — махнул Орехин рукой. На душе стало так скорбно, как будто сосед умер.

***

Студенты враждебно косились на него, пока он шагал по коридору к преподавательской. Коллеги встретили осуждающим молчанием.

— Тебя директриса искала, — сообщил Серёга, Сергей Иванович, преподаватель ОБЖ, хороший приятель Егора. — Сказала, чтобы зашел к ней, когда появишься.

— Зачем? — спросил Егор, хотя уже и сам догадывался.

— Прочитала твою заметку в интернете... Ну ты и выдал, конечно... — Серёга покачал головой — пожурил, как умный старший брат младшего, натворившего что-то не со зла, а по глупости.

— Вы на самом деле не понимаете, что происходит? — Орехин испытующе ковырнул взглядом каждого, кто был в преподавательской. — Никто из вас?

— Вы, Егор Александрович, прямо как подросток в переходном возрасте, который устраивает бунт против общества ради того, чтобы на него обратили внимание, — поморщилась психологиня, дама предпенсионного возраста с длинным прямоугольным лицом и шапочкой русых волос на голове. Она носила свою шапочку с царственным достоинством: считала себя очень опытным специалистом. — Другого объяснения вашему поступку я не нахожу.

— Серьезно? Не находите? — вспыхнул Орехин. — Вы не находите, что вся эта ситуация с воображаемыми питомцами и заказниками — бред? По-вашему, Галина Даниловна, это нормально — избавиться от живого существа, которое вам доверяет, и вместо него завести пустую сумку?

— Вы всё перековеркали, — с видом непоколебимой каменной глыбы сказала психологиня. — Доброе дело выставляете в черном цвете. У вас проблемы, Егор Александрович.

— Это у вас дальтонизм, а не у меня проблемы!..

Кто-то сзади потянул Орехина за рукав пиджака, он обернулся и увидел преподавательницу русского, Елену Николаевну, сидевшую на коротеньком сером диванчике из кожзаменителя.

«Успокойся», — сочувствующе сказали ее голубые, жирно подведенные глаза с тонкими стрелочками морщин. Она подвинулась, и Орехин машинально сел, чувствуя себя закипевшим, но вовремя выключенным чайником.

— Вы знаете, — в своей задумчиво-медлительной манере обратилась Елена Николаевна к психологине, — мне это движение за свободу питомцам тоже кажется сомнительным. Я выросла в деревне. Там, знаете, кошки и собаки бегают свободно, где хотят и сколько хотят. Но они всегда возвращаются домой.

— Они возвращаются туда, где их кормят, — хмыкнул седобородый историк. — Перестаньте их кормить — и им не за чем будет возвращаться к человеку.

В распахнувшуюся дверь, потрясая бумагами, ворвалась директриса, полная, с большим задом, мощной грудью, как всегда

стремительная, готовая безжалостно задавить всех, кто случайно окажется на пути.

— Коллеги! Пришло письмо из министерства! Кураторы должны срочно провести в своих группах беседы в поддержку движения «Свободу питомцам!». Завтра уже нужно отчитаться! Вот, ознакомьтесь! — она кинула бумаги на стол. — Орехин пришел?

Психологиня указала взглядом в сторону Егора. Директриса круто повернулась к нему.

— В поддержку, Егор Александрович, вы слышали? В поддержку! Насчет вас мне уже был звонок! Жду вас у себя!

«О как! Оперативно работают с недовольными!» — удивился Егор и, ощутив внутри растущую, словно на дрожжах, задорную, лихую злость, подумал, что никаких бесед он, конечно же, проводить не будет и к директрисе не пойдет.

Протрещал звонок на первую пару. Коллеги один за другим не спеша двинулись из преподавательской по аудиториям. В коридоре Орехин догнал Елену Николаевну.

— Ты не пошел к Раисе Львовне? — почему-то испугалась она.

— Нет, я пошел на пару... Вы будете проводить беседу, Елена Николаевна?

— Придется, раз начальство велело.

— Но вы ведь только что сказали, что это движение кажется вам сомнительным.

— Мало ли что мне кажется... Мне работа нужна. У меня дочь с внуком на шее и кредит...

Злое веселье Орехина потухло, будто в душу плеснули холодной воды.

— Но как можно поддерживать то, в чем вы сомневаетесь?

Елена Николаевна остановилась у дверей своей аудитории и с видом умудренного опытом человека изрекла:

— Просто относись к этому как к работе.

Помрачневший Орехин пошел дальше. Сколько их, таких, как она? Сомневающихся, но послушных. Живущих по принципу «сказали: “Надо”, значит надо». Выдрессированных с детства. Сделал то, что велено, — молодец, «пять» тебе, ты хороший. Не сделал — плохой, будешь наказан. Орехин и сам всегда

стремился быть хорошим, делал, что велено. Но больше не мог. Сейчас не мог.

Его ждали первокурсники. Студентка за первой партой крайнего от двери ряда, бывшая именинница, сложила ярко-красные губы в сморщенный пельмень, когда Орехин проходил мимо, проводила до кафедры недобрым взглядом. В еще не до конца установившейся тишине, с шорохами, затихавшими разговорами, в какую он всегда попадал, войдя в аудиторию, появилось что-то новое, неприятное. Егор присмотрелся, прислушался и понял: не появилось, а исчезло. Исчезло уважение, как будто вчера вечером студенты видели его свински пьяным, в помятом пиджаке, с галстуком набекрень, выкрикивающим непристойные вещи.

«Неужели они все до единого заразились этим? — простонал внутри себя Орехин. — Неужели все безнадежны? Как их спасти? Как их вывести из-под влияния Ираклия Наумова?»

Дверь осторожно приоткрылась, и в образовавшуюся щелочку в кабинет проскользнула Соня. Некрасивая, умная Соня с круглой головой на тонкой шее, будто шарик на палочке.

— Извините за опоздание, — сказала девушка и внимательно сощурилась на Егора, словно тоже видела его вчера другим и сейчас сравнивала вчерашнего и сегодняшнего.

«Мозги у вас тоже воображаемые», — вспомнил Орехин и чуть не вскрикнул от радости: вот же, есть еще один здравомыслящий человек! Почему он забыл про Соню?

***

Дождь, весь день с усердием поливавший город, к концу парзатих — его рабочий день тоже закончился. Орехин дождался Соню за оградой колледжа. В длинной куртке, напоминавшей грязно-желтый бесформенный балахон, из-под которого торчали худые ноги, обутые в кроссовки на массивной подошве (утюги — как называл их про себя Орехин), она была похожа на нищенку. Как будто кто-то большой и добрый сжалился над ней и пожертвовал свои огромные вещи.

Другие студентки дружно и весело выпархивали из дверей колледжа стайками, щебеча о чем-то, бежали к остановке. Соня

брела одна. Орехин почувствовал к ней что-то щемяще-родное: он ведь тоже один, совсем один в этом свихнувшемся мире.

Соне не нужно было на остановку. Она пошла по мокрой, скользкой тропинке под деревьями, понуро опустившими почти уже голые ветки. Тропинка вела сначала за угол, потом через жухлый двор мимо старых, обшарпанных пятиэтажек. Орехин шагал за Соней на некотором расстоянии, раздражаясь из-за липнущей к подошвам грязи и из-за того, как нелепо и даже подозрительно он выглядит со стороны: преподаватель, крадущийся за студенткой... Но разговаривать в колледже или поблизости от него было нежелательно.

Когда тропинка вывела к нерегулируемому переходу через пустынную, заросшую кленами и бетонными заборами улицу, он окликнул Сою. Она обернулась.

— Егор Александрович? — в глазах у нее промелькнуло удивление.

«Вот черт, как же сказать ей обо всем этом?» — растерялся Орехин, почувствовав себя до отчаяния глупо.

— Соня, я хотел поговорить с тобой о том, что происходит... — руки, в одной из которых он держал портфель, сделали какое-то беспомощное движение. — Я знаю, что ты тоже считаешь это всё ненормальным... Все эти воображаемые питомцы и заказники... — он с надеждой взгляделся ей в лицо: — Ты понимаешь?

— Понимаю, — серьезно ответила девушка. — Но не совсем понимаю, что вы от меня хотите.

— Я не знаю, Соня... но надо же с этим что-то делать... что-то придумать... Я больше не могу смотреть, как люди сходят с ума.

Соня печально покачала головой, и Егору вдруг стало ясно, что то состояние, которое он переживает сейчас, она уже пережила и, кажется, смирилась с происходящим.

— Всё бесполезно, Егор Александрович. Я пробовала с ними разговаривать. Никто не слышит.

— Но я же слышу! Мы с тобой слышим друг друга!

— Вы да я... Что мы можем — двое против всех? Нас просто затопчут. Забьют камнями. Для них — мы сумасшедшие.

Она помолчала немного и призналась:

— Я иногда думаю, может, и правда, это со мной что-то не так, а не с ними. Это же я не такая, как все. Значит, дело во мне самой.

— Соня, не надо так думать, — попросил Орехин, внутренне холодея, но девушка, кажется, не расслышала.

— Пусть делают, что хотят, — махнула она рукой и пошла по переходу на другую сторону улицы.

Орехин смотрел ей вслед, на грязно-желтый балахон, худые ноги в кроссовках-утюгах и думал, что это не Соня уходит — уходит его надежда, такая же тщедушная и нелепая.

***

Ночью он снова не мог заснуть. Болела душа. За Лану, за Диньку. За Соню. За приятеля Серёгу. За Елену Николаевну. За соседа и его лабрадора... Голова лопалась от мыслей, словно сундук, забитый бесполезным барахлом. Егор ворочался, уговаривал себя поспать, ведь утром рано вставать на работу. Пробовал считать, но всякий раз сбивался со счета и обнаруживал себя упрямо ворошащим «сундук» в поисках хоть какой-нибудь стоящей идеи.

Понимает ли сам раздухарившийся блогер Ираклий Наумов, что делает? Он, как паук, плетет и плетет свою паутину, сучит жирными лапами, опутывает попавшихся людей всё крепче и крепче, чтобы не вырвались... Взятся же откуда-то, вылез же из какой-то щели... Прихлопнуло бы его чем-нибудь! Сколько людей, тихих, безвредных, умирает каждый день. А этому типу ничего, живет и здравствует!..

Орехин испугался самого себя: еще никогда никому он не желал смерти. Повернулся на другой бок, к жене, надеясь, что вместе с положением тела поменяются и мысли. Она лежала спиной к нему на противоположном краю постели. Демонстративно отодвинулась подальше, да так и заснула, словно на противоположном краю пропасти. В груди у Егора тоскливо заныло: он понял, что скучает по Лане. По прежней. Обнять бы ее, уткнуться лицом в шелковые, пахнущие конфетами волосы... А утром, открыв глаза, увидеть, что нет и не было никаких воображаемых питомцев и никакого Ираклия. Или услышать в утреннем выпуске новостей, что его больше нет...

...Впрочем, гибель главного паука вряд ли спасет его жертв. У него уже десятки, если не сотни, «обращенных» ассистентов-паучков, которые помогают ему плести сеть, и они продолжат начатое им дело, потому что верят (и это самое страшное) в то, что оно благое. Здесь нужно бороться и побеждать... только как? Чтобы бороться с Наумовым его оружием, надо быть равным ему по популярности. Егор себя в роли блогера не представлял. Занудный дядька в очках — вот кто он. Давать видеоуроки у него еще получилось бы, но большее вряд ли. Здесь надо быть таким человеком, чтобы хотелось на него смотреть и слушать, чтобы он влюблял в себя...

Егор повернулся на спину, мысли перемешались, как стеклышки в калейдоскопе, и высветилась одна, совсем безумная: он должен найти способ встретиться с Ираклием и поговорить! Разобраться, кто он и что он. Объяснить ему, что он делает. А вдруг этот приткий блогер уже и сам рад был бы остановиться, но не знает как, потому что его несет им же запущенный и потерявший управление бешеный поезд?

***

Связаться с Ираклием оказалось не так-то просто. Личные сообщения в соцсетях у него были закрыты. На письмо с предложением встретиться и обсудить финансово выгодную сделку, отправленное по электронной почте, ответил помощник и попросил изложить суть вопроса ему. С организационного собрания для новичков-волонтеров, куда Орехин пришел в старой куртке с глубоким, будто пещера, капюшоном и надвинутой на глаза кепке, Ираклий уехал в сопровождении такой плотной свиты, протиснуться сквозь которую было нереально.

Ни одна база данных в интернете не выдала Орехину ни номер телефона Ираклия, ни адрес. Тогда он взялся просматривать видеоролики «гениального» блогера, его прогулки с воображаемыми питомцами во дворе, надеясь увидеть что-то особенное, запоминающееся, чтобы можно было зацепиться и вычислить, где он живет. Однако двор Ираклия ничего особенного из себя не представлял: на заднем плане однообразно покачивались

серые стены панельных многоэтажек, маячили побеленные стволы деревьев, мелькали старенькие качели и общипанные клумбы — обычный двор, таких половина в городе... И вдруг на одном из видео в кадр на долю секунды всплыла красная «Лада Гранта» с открытой передней дверцей и светловолосой прямоугольной женщиной, выходящей из-за руля. Автомобиль и женщина поспешно выплыли из кадра обратно, будто сдали задним ходом, но глазам этого хватило, чтобы зацепиться, а пальцам вспотеть от волнения: Галина Даниловна, у которой такая же стрижка и прямоугольное лицо, приезжает на работу на такой же красной «Ладе Гранте»!

***

Егора стало преследовать ощущение, что всё, чем он живет последнее время, на самом деле думает и делает не он, а персонаж странной книги, которую Егор настоящий читает, сидя на кухне под бутоном настенной лампы, льющей на страницы теплый, уютный свет. Разве возможно в реальной жизни, чтобы преподаватель педагогического колледжа, серьезный и уважаемый человек, после работы надевал старую куртку с глубоким капюшоном, широкие, как у рэперов, штаны, и отправлялся в чужой двор выслеживать мальчишку-блогера?

Стоял поздний октябрь, темнело уже рано и холодало крепко. Опасаясь привлечь к себе ненужное внимание, Орехин старался меньше ходить, выбирал пункт наблюдения и замирал там, будто снайпер в ожидании цели. Быстро замерзал, начинал тосковать о теплой машине, которой у него никогда не было. Дело осложнялось еще и тем, что он не знал наверняка, в каком подъезде живет блогер и в какое время обычно возвращается домой или, наоборот, уходит. Затея была больше глупой, чем стоящей, но даже глупая затея лучше, чем ничего.

В тусклом фонарном свете все попадавшие в поле зрения молодые люди казались Орехину одинаковыми, и во всех, если только они не были полными, ему чудилось что-то от Ираклия. Каждого он готовился окликнуть, но в последний момент пересиливали сомнения, за которые потом, после неудачных «дежурств», он себя долго ругал.

Когда же небо, судьба или какое иное ведомство, раздающее людям счастливые случаи, решило наградить Орехина за упорство и на присыпанной скупым снежком дорожке появился, наконец, настоящий Ираклий Наумов, ни одно сомнение даже не шевельнулось, не высунуло своего недоверчивого носа. То ли по походке, то ли по манере как-то особенно, чуть откинув назад, держать голову — Орехин и сам толком не понял, как узнал его.

Ираклий возвращался домой около девяти вечера. Уставшим он не выглядел, шагал бодро. Уже одно это вызвало у замерзшего Орехина всплеск неприязни. Он подождал, пока парень пройдет мимо его «наблюдательной точки» — детской горки с холодной металлической лестницей, от сидения на которой давно онемела спина, — и двинулся следом. Выказывать неприязнь было нельзя, поэтому он выдохнул и глубоко вдохнул, как будто попытался наполнить себя искусственным дружелюбием, прежде чем окликнул блогера по имени.

Тот обернулся и, окинув преследователя недоверчивым взглядом, зашагал быстрее. Видимо, вид Орехина не вызвал у него желания разговаривать.

— Ираклий, извините, вы меня не знаете, я... — Егор хотел было уже представиться, но вовремя сообразил, что лучше этого не делать. — Вы интересны мне как человек... Феномен нашего времени, так сказать... Можно вас кое о чем спросить?

Ираклий еще раз недоверчиво посмотрел на прицепившегося к нему типа, одетого, как гопник, но выражающегося, как приличный человек.

— Мне некогда. Хочешь что-то спросить — свяжись с моим помощником, он назначит время.

Егора задела пренебрежительная фамильярность, которой этот сопляк-блогер ответил ему на деликатное «выканье». Он заставил себя стерпеть, но, поднимаясь вслед за парнем на крыльцо подъезда и чувствуя, что контролировать рвущуюся наружу неприязнь ему становится всё труднее, не столько попросил, сколько потребовал:

— Один вопрос!

— Все вопросы — к моему помощнику, — с раздражением кинул Ираклий через плечо и протянул руку с ключом к домофону.

Егор не мог допустить, чтобы встреча, которой он с таким трудом дождался, закончилась вот так. Он схватил протянутую к домофону руку и, резко закрутив ее, придавил блогера к стене. Лампа, большой стеклянной шишкой висевшая над дверью, осветила скривившийся от боли рот Ираклия и испуганные, глубоко посаженные черные глаза, выглядывавшие из-под шапки, натянутой до самых бровей.

— Что тебе надо? — зло проскулил парень.

— Сколько можно повторять? Чтобы ты ответил мне на один вопрос! — прорычал Орехин. Ненависть неконтролируемо росла в нем, поднималась гигантской волной, грозившей обрушиться и затопить разум: всё из-за него, из-за этого сопляка, мерзкого паука, сидящего в центре паутины и царственно дергающего за ниточки!

— Ты вообще понимаешь, что творишь?!

Ираклий непонимающе заморгал.

— Ты понимаешь, что то, что ты делаешь, — плохо?!

— Отпусти! — дернулся блогер и снова скривился от боли.

— Тебя прет, да? Прет от того, что ты как крысолов с дудкой?

Пудришь людям мозги, а они идут за тобой, глотают всю чушь, которой ты их пичкаешь! У тебя талант, крысолов! Ты красиво играешь! Но не ту песню! К чему ты ведешь людей?

— Я никого никуда не веду, — простонал Ираклий. — Я никого не пичкаю. Я просто подал идею, и оказалось, что им это нужно. Я помогаю людям в том, чего они хотят, и не считаю, что это плохо.

— Ты внушил людям, что им это нужно! Ты мошенник, аферист, и не надо прикидываться передо мной благородным героем!

Не так, совсем не так должен был сложиться разговор! Егор собирался поговорить по-хорошему, он хотел если не достучаться, то хотя бы оставить в голове парня пищу для размышления, но волна ненависти подхватила, понесла его, захлебывающегося, совсем не в том направлении. «Придушить! Придушить этого ушлепка! Пока он в твоих руках, придушить!» — яростно требовало изнутри что-то звериное.

Из недр подъезда донесся звук опускающегося лифта.

— Помогите! — звонко выкрикнул Ираклий в студеную тишину двора.

Орехин разозлился еще больше, хоть казалось, что больше уже некуда, дернул блогера от стены, и ударил под дых, вложив в удар всю свою ярость. Тот скрючился, схватившись свободной рукой за живот. Орехин наклонился над ним и угрожающе прошипел:

— Сворачивай свою лавочку с воображаемыми питомцами и свое гребаное движение! Ты понял?

Ждать ответа было некогда: за железной дверью всё четче слышались шаги.

«Дурак! Дурак! — ругал себя Егор, когда уже ехал домой в полупустом автобусе с запотевшими окнами и клюющей носом кондукторшей. — Я же не хотел его бить!»

Ненависть схлынула, осталось раскаяние: сделал всё не так! Украдкой он поглядывал на свои руки и не мог поверить, что эти руки только что причинили боль человеку. А добравшись до дома и согревшись под теплым душем, уже не мог поверить, что действительно был там сам, а не какой-нибудь другой Егор Орехин, про которого он прочитал в книжке.

***

— Вчера вечером на популярного блогера Ираклия Наумова было совершено нападение, — сообщила губастая телеведущая утреннего выпуска новостей. — Неизвестный подкараулил его во дворе дома, преследовал до дверей подъезда, а затем нанес несколько ударов и потребовал, чтобы блогер свернул движение «Свободу питомцам!». Услышав шум в подъезде, неизвестный скрылся. Составлен фоторобот преступника...

Егор застегивал рубашку. Его бросило в жар, пальцы замерли на предпоследней пуговице: вот так поговорил!

На экране появилась черно-белая голова в капюшоне.

«Кажется, не похож», — с облегчением отметил Егор. Лицо у фоторобота было чересчур вытянуто, подбородок по-злодейски остро торчал вперед, в оправу очков были вписаны неестественно огромные глаза. Видимо, Ираклий плохо разглядел его, четко запомнил только одну деталь — прямоугольные очки.

— Это же ты! — вполголоса вскрикнула Лана.

— С чего ты взяла? — фыркнул ошарашенный Орехин.

— Это ты! — уверенно повторила жена, так уверенно, что не стоило и пытаться переубедить ее в этом. — Вот, значит, какие у тебя были дела! Я так и думала!

Пропасть между ним и Ланой росла и росла, последнее время они почти не разговаривали. Совместные ужины стали пыткой: ложки, оглушительно стучащие о тарелки, Динька, переводящий с отца на мать тревожные вопросительные взгляды, еда, непрожеванными комками проваливающаяся в горло, — и Орехин стал ужинать отдельно. «Позже», — отвечал Лане на ее «будешь есть?», заданное из чувства долга, неприятное, как остывшие макаронны. Когда первый раз надел куртку с капюшоном и приготовился идти, тогда еще на собрание для волонтеров, Лана поинтересовалась, куда он, но тоже как-то «макаронно». «По делам», — скупно ответил Орехин. Больше она ничего не спрашивала, а он был настолько поглощен охотой на Ираклия, что ему даже в голову не приходило, что жена может догадываться о его «делах».

— Господи-и-и! — с отчаянием протянула Лана и спрятала лицо в ладонях.

Орехин так и стоял в рубаше, застегнутой не на все пуговицы, не зная, как ему быть и что говорить.

— Егор, что с тобой происходит? — Лана отняла ладошки от лица, и он увидел в ее глазах страдание.

Он ждал злости, презрения, даже ненависти, но не был готов увидеть, что жена из-за его «дел» страдает. Стало так больно, что ни вдохнуть — ни выдохнуть. Захотелось обнять ее, успокоить, убедить, что всё с ним в порядке, — и он шагнул к ней, с удивлением отмечая, что пропасть между ними только казалась ему непреодолимой, на самом деле это всего лишь маленькая трещинка, маленькая ранка в отношениях, которую можно залечить нежностью и любовью.

Лана напряженно замерла в его объятьях, увернулась от поцелуя. Орехин вообразил, что ей неловко из-за Динькиного присутствия.

— Всё хорошо, — шепнул он, не торопясь отпускать ее, наслаждаясь тем, как мягко щекочит лицо пахнущие конфетами волосы. — Вечером поговорим.

Дождь со снегом хлестал по лицу, встречные прохожие ежились и втягивали головы в воротники. Орехин не замечал ни колючего дождя, ни пронизывающего ветра. Его грела изнутри благодарность. Он снова и снова вспоминал глаза жены, наполненные страданием, и теперь ему от этого страдания было тепло. Оно означало, что ей не все равно. Оно означало любовь. А любовь — это такая сила, которая поможет преодолеть всё.

Он уже подходил к дому, когда услышал жалобное мяуканье. Мокрый, грязный котенок на обочине тротуара, дрожа тощим тельцем, отчаянно кричал, молил о спасении остановившегося рядом мальчика лет восьми. Мальчик был не один. На некотором расстоянии его ждала женщина в коротком красном пальто, элегантно облегающем фигуру, и требовала:

— Слава, пошли!

— Ма-а-ам, давай возьмем его! — со слезами в голосе тянул мальчишка. — Пожа-а-алуйста!

— Кто-то выбросил, а мы подбирать будем! Он больной и с глистами!

— Ну он же замерзнет и умрет!

— Ничего с ним не случится! Волонтеры подберут и увезут в заказник.

— Ему там будет плохо, он же маленький!

Орехин слушал их диалог затаив дыхание, всей душой желая двум страдальцам — мальчику и котенку — достучаться до сердца женщины.

— Слава, я сказала — нет!

— Давай возьмем! Мы его вылечим! Ты обещала мне котенка!

— Завтра купим воображаемого.

— Не хочу воображаемого, хочу настоящего!

Егор вздрогнул и возликовал: есть еще «зрячие» люди! Это ничего, что маленькие, большие вырастают из маленьких.

Мать, потеряв терпение, вернулась за сыном, схватила его за руку и потащила прочь. Котенок неуверенно поковылял следом, покачиваясь то ли от ветра, то ли от слабости.

— Мама, он идет за нами! — заплакал мальчик.

Орехин сам чуть не прослезился.

— Брысь! — женщина с брезгливым выражением на лице махнула в сторону котенка сумочкой. — Пшёл!

Егор догнал несчастного малыша, присел на корточки. Черный, худой, с длинным мокрым хвостом, он больше походил на крысенка. Лана, конечно, будет далеко не в восторге, поворчит первое время...

— Дяденька! Дяденька! — завопил мальчик, безуспешно пытаясь вырваться из цепких материнских пальцев. — Хоть вы возьмите! Он же погибнет!

Мать дернула его за руку, что-то сердито шикнула в макушку.

Орехин не удержался и крикнул красному пальто:

— У вас замечательный сын! Настоящий человек! Не воображаемый!

Пальто только ускорило шаг.

***

Пришлось пожертвовать шапкой. Орехин посадил в нее котенка, будто в теплое гнездо, и тот замолчал. Ему было все равно, кто и куда его несет, он доверился первым протянутым рукам. Осторожно прижимая «гнездо» со спасенным малышом к груди, Орехин поднялся на свой этаж. У двери вдруг подумал, что всё складывается правильно: теперь, когда у них появится котенок, сын и жена увидят разницу между воображаемым и настоящим. Откуда Диньке знать, где настоящее, а где пустое, если у него этого настоящего никогда не было? А Лана в погоне за модой, в своем нежелании отставать от других просто перепутала ориентиры.

Егор давно уже не возвращался домой в таком хорошем настроении: наконец-то появился просвет в хаосе происходящего. Он повернул ключ в замке, открыл дверь. Прихожая встретила сумеречной тишиной. Жены и сына не было дома. Ущипнуло тревожное предчувствие, но Егор прогнал его. Подумал, что все опять складывается правильно. Будет лучше, если к их приходу он успеет искупать котенка и сбегать в гипермаркет через дорогу за лотком и наполнителем.

Малыш спокойно дал себя помыть и выбрать из шерсти колючки. Как будто понимал, что от его поведения может зависеть

дальнейшая судьба, и решил все терпеть, чтобы свалившийся с неба хозяин не передумал и не выбросил его обратно на улицу.

Выяснилось, что шерсть у котенка не черная, а серая, с темными полосками. Тонкие ребрышки отчетливо прощупывались сквозь кожу. Он был таким худым и хрупким, что, казалось, можно ненароком сломать ему что-нибудь.

Завернув страдальца в полотенце для рук, Орехин отправился на кухню поискать блюдце и проверить, есть ли дома молоко. Привычно дернул цепочку настенной лампы. Из плафона брызнуло светом, и Орехин увидел на столе записку. Удивился: зачем писать записки, когда есть телефоны?

«Егор, я так больше не могу, — сообщали круглые, похожие на бусины буквы. — Мне страшно. Я вижу, что с тобой что-то происходит, но не знаю, как об этом поговорить. Ты все время злишься и молчишь. Я надеялась, что это у тебя пройдет, но становится только хуже. Я устала жить и бояться за себя, за Дениса, поэтому решила уехать к маме. Конечно, тебе самому кажется, что с тобой все в порядке, но на самом деле — не в порядке! Ты стал агрессивным, нападаешь на людей! Я не вернусь и не дам общаться с сыном, пока ты не обратишься за помощью к специалистам. Пожалуйста, сделай это ради нас».

Котенок повернул мокрую голову с огромными ушами и вполне осмысленным взглядом посмотрел на новоиспеченного хозяина, как будто тоже прочитал записку и спрашивал теперь, что тот намерен делать.

Орехин вспомнил, что собирался его покормить. Нашел в шкафу блюдце, в холодильнике — пакет молока. Хотел погреть, но из тела куда-то исчезли все силы, даже на то, чтобы ткнуть кнопку на микроволновке, не нашлось. Налил холодного.

Один. Теперь он совсем один. Окончательно один.

«А вдруг мне правда нужна помощь? — подумал, опускаясь на табурет. — Может, со мной действительно что-то не так?»

На какую-то секунду мысль о том, чтобы обратиться к специалистам, показалась спасительной. Ему назначат лечение, и он станет как все. Лана вернется. Все наладится. Все равно из него не получится борца. Его либо посадят в тюрьму, либо упрячут в психушку. Барахтаться в одиночку — бессмысленно.

Котенок вцепился ему в штанину и полез вверх по ноге. Царапанье маленьких, но острых коготков по коже привело Орехина в чувство. Он взглянул на спасительную мысль с другой стороны. Стать как все? Сюсюкаться с пустыми сумками? Нет, он не хочет становиться таким. Он слишком рано собрался сдаваться. Слишком рано поставил крест на Диньке и Лане...

В кармане куртки завибрировал телефон.

«Лана!» — пронзило Орехина, и он, ссадив котенка на пол, кинулся в прихожую, достал требовательно жужжащий гаджет из кармана.

Звонила не Лана. На экране светился незнакомый номер. Орехин какое-то время разочарованно смотрел на него. Никого, кроме жены, он слышать не хотел, но все-таки заставил себя ответить.

— Алло, — без интереса приложил телефон к уху.

— Егор Александрович! Это Соня! — голос у нее был встревоженный.

Орехин удивился: что у нее произошло и как это может быть связано с ним?

— Егор Александрович, вы дома?

— Да. Что случилось, Соня?

— Никуда сегодня не выходите! — она торопилась, словно боялась, что он не станет слушать и бросит трубку. — И завтра тоже! Я имею в виду вечером. А может, и утром тоже, я не знаю...

— Так. Успокойся, — строго прервал ее Орехин. — Объясни толком, что случилось.

— В общем, — Соня постаралась говорить спокойнее, — все решили, что это вы напали на Ираклия Наумова, и собираются вас... наказать.

— Кто — все?

— Ребята из колледжа. Они хотят вас подкараулить или как-нибудь выманить из дома. Не верьте никаким звонкам и сообщениям!

— Хорошо, я понял, Соня. Спасибо.

Орехин вернулся на кухню, положил телефон на стол рядом с запиской жены.

— Значит, наказывать собрались, — проговорил вслух, усмехнувшись абсурдности происходящего, однако смешно ему не было. Страха он тоже не чувствовал — скорее, отчаяние и ярость обложенного со всех сторон зверя.

Котенок, присевший с оттопыренным хвостом у стены, и появившаяся после этого лужица напомнили, что надо купить лоток и наполнитель. Орехин даже обрадовался поводу выйти из дома. Нет, он не станет прятаться в квартире, как суслик в норе. Он будет ходить, где и когда хочет, и говорить, что считает нужным. А если толпа «зомбированных» захочет убить его — пусть. Бояться и прятаться — это уже слишком.

***

У подъезда, вопреки ожиданиям, его никто не караулил. Мирно светил фонарь и отдыхали припаркованные автомобили. Егор благополучно дошел до гипермаркета, купил принадлежности кошачьего туалета, несколько пакетиков с кормом и пачку пельменей, вспомнив, что себя тоже нужно чем-то кормить. На обратном пути услышал, что за ним идут. Шаги преследователей вразной сыпались по асфальту за спиной. В самом темном месте двора Егора обогнал долговязый парень, бесцеремонно посветил фонариком в лицо и презрительно фыркнул:

— Это он!

Орехин узнал парня, вспомнил, что тот учится на третьем курсе на физрука.

Со зловещим молчанием «каратели» окружили Орехина. Остальных он различить не смог, но понял по силуэтам, что среди них были и парни, и девушки.

— Что вы хотели, ребята? — спросил Егор по-учительски строго. Страха почти не было — так, слегка защекотало под кожей.

И в следующее мгновение охнул от боли, зажал разбитый нос, уронив на землю пакет с покупками.

— Это за Ираклия, — процедил долговязый и, сделав обманчивую паузу, так что Орехин подумал, этим все ограничится, ударил еще раз — крепко прижег кулаком левую скулу.

— За Ираклия! — призывно пискнул девичий голосок, и Орехин почувствовал слабый, но злой толчок в плечо.

— Ребята, хорош, успокойтесь! — потребовал он. Перед ним были его студенты, и как с ними драться, он не знал. Тем более с девчонками.

Но успокоиться они уже не могли. Каждому хотелось лично отомстить за кумира. На Орехина со всех сторон посыпались удары, будто он угодил под камнепад. От пинка в пах его согнуло пополам. Удар чем-то тяжелым по спине повалил на землю. Орехин услышал хруст своих раздавленных очков, почувствовал, как твердые носы ботинок вонзаются в ребра, больно молотят по рукам, обхватившим голову...

— Всё, хватит с него! — скомандовал долговязый. — А то загнетса еще.

Удары прекратились. Егор подниматься не спешил. Слушал.

— А он хоть живой? — спросил испуганный девчоночий голос. Кто-то бесцеремонно рванул Орехина за плечо, осветил в лицо фонариком, успокоил остальных:

— Норм, живой.

— Надо сфотать, Ираклию показать.

Над головой Орехина несколько раз чмокнула камера.

— А если он в ментовку пойдет?

— Не пойдет, его самого менты ищут.

— Всё, валим! — поторопил долговязый.

Какое-то время Егор еще слышал голоса и дробь удаляющихся шагов. Потом все стихло. Тишина сомкнулась над ним, как холодная вода в ночном озере. Превозмогая боль и радуясь, что тело подчиняется ему, он поднялся. Голова кружилась. Фонари и окна в доме расплывались бесформенными желтыми пятнами. В нескольких шагах белело пятно пакета с кормом, лотком и пельменями. Орехин подобрал пакет и поковылял домой.

Темное пятнышко на полу в прихожей встретило его тревожным мяуканьем, словно спрашивало, где он был и что случилось.

Первым делом Егор отыскал старые очки в домашней аптечке — и к предметам вокруг вернулись более-менее четкие очертания. Переоделся. В ванной внимательно рассмотрел лицо: нос и губы распухли, под левым глазом наливался синяк, на лбу алела ссадина.

«Как в таком виде идти на работу? Больничный не взять, врачи сообщат в полицию... Почему студенты из колледжа так уверены, что это я напал на Ираклия? Если они так легко вычислили меня, то скоро вычислит и полиция. Что дадут за нанесение легких телесных повреждений? — тревожные мысли, как стая хищных птиц, налетели на Орехина сразу со всех сторон. — А вдруг мне припаяют статью потяжелее или признают сумасшедшим?.. Что будет с Динькой, если меня посадят или отправят на принудительное лечение? Лана окончательно запудрит ему мозги и настроит против меня... Что делать? Бежать, скрываться? Куда? Тогда уж проще выйти в окно, и всё...»

Мысли долбили его клювами, оглушительно хлопали крыльями, кричали в уши... Чтобы хоть как-то утомить их, Орехин пошел на кухню и налил рюмку коньяка. Потом еще одну. Это помогло, стая приутихла. Когда бутылка опустела наполовину, в голове прояснилось, как в небе после бури, и высветилось простое, спокойное решение: будь что будет. Просто будь что будет, и всё.

Короткий, требовательный звонок в дверь заставил вздрогнуть обоих: и Орехина, и котенка, свернувшегося клубочком после сытного ужина на коленях новообретенного хозяина.

«Уже?» — удивился Орехин.

Он не торопясь поднялся из-за стола. Убрал недопитый коньяк обратно в холодильник. Сполоснул рюмку и поставил на место в красный шкафчик над мойкой. Легонько дотронулся до лежавшей в центре стола записки, словно на прощание прикоснулся к руке, написавшей ее, и только после этого пошел открывать, опять удивляясь, на этот раз тому, что полицейские так вежливо ведут себя, задерживая преступников. Не стучат, не ломаются в квартиру. Позвонили и терпеливо ждут...

За дверью стояла Соня. Из огромной куртки-балахона торчала голова на тонкой шее и худые ноги, обутые в кроссовки-утюги.

«Еще что-то случилось?» — на мгновение испугался Егор.

— Извините, я просто хотела убедиться, что вы в порядке... после этого... — сказала Соня, оправдываясь, и осторожно, словно боялась сделать больно, ощупала взглядом его распухшее лицо. — Я звонила, у вас телефон недоступен...

Орехин похлопал себя по карманам и, не обнаружив телефона, предположил:

— Батарейка села, наверно.

— Ну... тогда я пойду.

— Нет, нет, стой! — он крепко схватил Соню за рукав. — Надо поговорить!

Она отшатнулась, и по гримасе легкой брезгливости, скользнувшей по ее лицу, Орехин понял, что ей неприятен исходящий от него запах алкоголя, но пальцев не разжал, наоборот, втащил студентку в квартиру и захлопнул дверь.

— Объясни мне! — потребовал он, не дав Соне толком опомниться. — Как ты обо всем узнала? Почему вы все решили, что это я напал на Ираклия?

— У нас группа есть общая, — Соня, обиженная его грубостью, втянула шею в куртку-балахон, как улитка в раковину. — Группа колледжа... В общем, кто-то написал там, что фоторобот на вас похож, и все согласились. Вспомнили вашу заметку в интернете и как вы беседу проводили, что не надо движение Ираклия поддерживать. Договорились вас побить... А потом скинули фотку, когда уже всё... Когда вы на земле лежали, и лицо у вас было в крови... она запнулась и договорила с досадой: — Я же предупредила вас, Егор Александрович!

На Орехина нахлынуло запоздалое чувство благодарности: милая, отважная девочка! Приехала уже почти ночью в такую даль спасать глупого преподавателя, который не послушался ее предупреждений. И он отлично понимал, почему она это сделала: ей страшно остаться одной в свихнувшемся мире.

— Ты прости, — Орехин потрепал рукав Сониной куртки, извиняясь сразу за всё: и за то, что пьян, и за тот стресс, который она из-за него сегодня пережила. — Просто день такой... А вообще, хорошо, что ты здесь. Проходи. Что ты будешь? Чай? Кофе? — он помедлил и скорее в шутку, чем всерьез, добавил: — Коньяк?

— Коньяк, — неожиданно выбрала Соня.

После глотка спиртного щеки у нее порозовели, плечи расслабленно опустились. Она прислонилась к Биг-Бену на стене, снова ощупала лицо Орехина сочувствующим взглядом.

— От меня жена сегодня ушла, — поделился Егор своей главной болью и подвинул Соне записку: — Вот, читай... Говорит, мне надо к специалисту... Я не знаю, что делать, Соня. Но что-то делать нужно. Надо как-то открыть людям глаза.

— Вы уже попытались, — напомнила девушка.

— Нужно пытаться еще. Искать способы.

— Да бесполезно, Егор Александрович. Для них мы сумасшедшие. Кто станет слушать сумасшедших?

— Но как можно спокойно смотреть на все это? — разгорячился Орехин. — Вот ты — у тебя впереди вся жизнь. Как ты будешь ее жить в этом сюре? — он развел руками, и под ребрами протяжно заныло.

— Отучусь и уеду в деревню. Куда-нибудь подальше.

— Думаешь, до деревень эта дурь не доберется?

— Там будет легче быть собой настоящей, — она коснулась Егора извиняющимся взглядом. — Я не борец. Я не хочу тратить время и силы на то, что считаю безнадежным. Но я... я все равно с вами. Не знаю, понимаете вы меня или нет.

Егор кивнул. Он хотел объяснить Соне, что тоже не борец, но у него так болит душа за родных, близких, соседей, вообще за всех людей и питомцев, которых хозяева выкинут в заказники и заменят пустыми сумками. Не успел.

Стук в дверь прогремел, как короткая пулеметная очередь.

— Откройте, полиция!

У Сони испуганно округлились глаза.

— Не открывайте, — попросила она беззвучно, одними губами.

— Все равно меня арестуют. Лучше уж сразу.

Соня вскочила, кинулась к кухонному проему, преградила Орехину путь.

— Давайте скажем, что провели вчерашний вечер вместе!

Егор, отказываясь, покачал головой. Такого Лана ему точно не простит.

— Все обойдется, не слишком уж страшное преступление я совершил, — попытался он успокоить Соню, да и себя заодно. — Если хочешь мне помочь, возьми вот лучше котенка на время, пока меня не будет.

— Угу, — прерывисто вздохнула девушка и посторонилась, пропуская его к двери.

***

В камере у Орехина была большая бессонная ночь на раздумья. Больше и бессоннее, чем были ночи до этого. Час катился за часом, поскрипывая от натуги, как тяжелый мельничный жернов по кругу, перемалывая одни и те же мысли. Орехин гадал, знает ли Лана, что он арестован, и если знает, то переживает за него или, наоборот, радуется и чувствует себя в безопасности. Улыбался Сониному «Давайте скажем, что провели вчерашний вечер вместе». Скрипел зубами от боли: студентка, чужой человек, которому Орехин был никем, всего лишь преподавателем, дважды за вечер пыталась спасти его, а родной человек, жена, с которой прожили вместе шесть лет и вроде бы любили друг друга, убежала, спасаясь от него, хотя это ей должны были принадлежать слова «скажем, что провели вчерашний вечер вместе».

Вспоминал Егор и встречу с блогером-пауком, его звонкое, трусливое «Помогите!», свою вырвавшуюся из-под контроля злость. Стыдился за себя и тревожился одновременно: как он так — не совладал с эмоциями и кулаками? С этими воображаемыми питомцами, пожалуй, можно сойти с ума, если не в одну, так в другую сторону, превратиться в какого-нибудь одинокого психопата-бунтаря...

Раз за разом он прокручивал в памяти разговор с Соней, пока, наконец, до него не дошло, о чем она на самом деле говорила. Не бороться — бунтовать бессмысленно. Истериками не заставить людей очнуться. Насильно не спасти тех, кто не хочет спасаться. Остаться собой настоящим, сберечь настоящее в себе — вот что важно. Только с желанием Сони сбежать прочь Егор не был согласен. Надо быть здесь. Спокойно, с достоинством нести настоящее, не выпячивая его, но и не пряча, чтобы люди хотя бы помнили, что оно есть.

О том, что ждет его с наступлением утра, Орехин не думал совсем. Прежняя жизнь потерпела крушение. Поначалу он еще

пытался грести веслами, направляя свою шлюпку по курсу, который считал верным. Но сил не осталось. Он бросил весла и лег на дно. Куда вынесет, туда вынесет.

***

Через день его отпустили за недоказанностью вины. Следовательно, лысеющий мужчина возрастом за сорок, в ответ на чистосердечное признание Егора сообщил:

— А девушка, которая находилась с вами в момент задержания, заявляет, что вечер двадцать седьмого октября вы провели вместе. Также она уверяет, что вы потребовали, чтобы она об этом молчала, так как лучше признаетесь в том, чего не совершали, чем допустите, чтобы о вашей с ней любовной связи узнала ваша жена.

Приглашенный на процедуру опознания Ираклий Наумов не узнал в Орехине нападавшего. Узнать его, конечно, было трудно, после драки со студентами лицо преобразилось: на месте левого глаза набух фиолетовый синяк, на лбу красовалась бордовая корка ссадины, на губах насохли болячки. Очки были уже не те — полукруглые, в толстой черной оправе, да и без капюшона Орехин больше не выглядел по-злодейски.

Блогер неуверенно постоял напротив Орехина, поколебался:
— Не могу с уверенностью сказать, что это он.

Избитый, в грязной куртке, Орехин устало брел по городу домой, пугая своим видом опрятных, благопристойных прохожих. Они шарахались от него, старались не смотреть, словно боялись встретиться взглядом, как с одичавшей собакой. Женщины опасливо переключивали сумочки в руки с дальней от Орехина стороны.

Каждая зелено-бордовая переноска, каждый зелено-бордовый жилет вызывали у Орехина приступы тошноты. Он вспоминал о своем недавнем намерении оставаться среди людей и со спокойным достоинством нести по жизни свое настоящее и не был уверен, что найдет силы на это. Может, Соня и тут права? Уехать подалее в самую разглухую деревеньку, посадить огород, завести

корову, куриц... Нет, Лана никогда не согласится на такое. И Дениса не отдаст...

Квартира встретила тоскливой тишиной, спертым, как будто чужим, запахом. Егор включил телевизор, чтобы хоть что-то звучало. Отыскал свой разряженный смартфон, поставил заряжаться. «Сейчас поеду к Лане! — решил вдруг. — Скажу, сам Ираклий подтвердил, что напал на него не я».

— ...И как нам только что сообщили, — донеслось из телевизора, — задержанный по подозрению в нападении на лидера общественного движения «Свободу питомцам!» преподаватель колледжа Егор Орехин отпущен на свободу. Прибывший на процедуру опознания Ираклий Наумов сказал, что Орехин не похож на нападавшего. К тому же одна из студенток колледжа, где работает Орехин, заявила, что преподаватель в то время, когда произошло нападение, находился с ней...

Ну Соня! Егор схватил смартфон с намерением сейчас же позвонить ей и отчитать за самодеятельность. Сказал же, что не надо ничего сочинять! Как он теперь должен оправдываться перед женой? Вот пусть едет к ней и сама, как хочет, так и объясняет!

Смартфон загрузился, из него посыпались сообщения о пропущенных звонках. Звонила директриса, приятель Серёга, Елена Николаевна. Больше всего пропущенных было от Сони. От Ланы ни одного. Орехин положил гаджет обратно. Ни одного. И какое право он имеет отчитывать Соню? В то время, когда он, покинутый женой и отвергнутый всеми остальными, безвольно плыл по течению, улегшись на дно своей шлюпки, Соня одна спасала его как могла.

Орехин подошел к окну, словно хотел посмотреть, куда его занесло, не виднеется ли берег. Внизу около пустой детской площадки на скамейке сидел сосед-пенсионер, рядом стояла сумка-переноска с расстегнутой дверкой. «Выгуливает питомца», — передернуло Егора. Он поискал взглядом его реального питомца — лабрадора — и не нашел. Поводка в руках у соседа не было. Егор вспомнил, как пес здоровался с ним при каждой утренней встрече, тычась мокрым прохладным носом в руку.

— Ну и скотина! — вырвалось у него и тяжело упало на подоконник.

Он вдруг понял, что ему больше не жаль людей. За что их жалеть? Как они могут не понимать, что делают? Каждому дан мозг и способность думать. А они предпочитают слепнуть!

***

Из декабрьского неба, как из огромной солонки, густо и щедро сыпало снегом. Орехин в надетом поверх пуховика оранжево-синем жилете с эмблемой в виде двух мордочек — кошачьей и собачьей, сел в подкативший к остановке служебный микроавтобус. Подобрал еще несколько таких же оранжевожилетных пассажиров, микроавтобус выехал за город и свернул на проселочную дорогу без каких-либо указателей. Через полчаса остановился около металлических решетчатых ворот, влево и вправо от которых, сколько хватало взгляда, уныло тянулась сетка-рабица. Невзрачная табличка на воротах сообщала, что пассажиры прибыли в Городок питомцев.

Из сколоченных наспех деревянных вольеров, неровными рядами расплзшихся по территории, поднялся дружный собачий лай всех тонов и оттенков. Орехин вместе с другими работниками зашел на территорию Городка, взял в сарае, который именовался складом, пакет собачьего корма и открыл первый вольер. Навстречу выбежал бело-рыжий пес, отряхиваясь от сенной трухи, ткнулся влажным носом в руку. Орехин потрепал его по холке:

— Потерпи, брат, это временно.

Пес радостно помахал хвостом: потерплю, дескать, чего уж там.

Орехин знал, о чем говорил. Пока еще это место, по сути, напоминало приют, но скоро здесь вырастет город. Городок для бывших любимцев, где они будут находиться под круглосуточным присмотром. Появятся отапливаемые павильоны, прогулочные зоны, ветеринарная служба. Сколько пришлось обить для этого порогов — чиновничьих и предпринимательских, — Орехин не считал. Он взывал к совести и самолюбию, давил на жалость и жадность. Убеждал, что Городок покроет расходы на строительство, сможет сам себя содержать и даже приносить прибыль. Ведь когда в домах не останется настоящих животных, люди станут

возить детей на экскурсии и с радостью раскошелятся на то, чтобы их чада могли погладить или подержать на руках настоящую кошку, покормить попугайчика, поиграть с собакой, сводить ее на прогулку на поводке, сфотографироваться, в конце концов.

«Поддержите проект Егора Орехина! — зывали теперь газеты, листовки, телевидение, интернет. — Городок питомцев! Впереди морозы, и наши питомцы могут погибнуть в суровых зимних условиях, мы должны построить для них теплые павильоны, организовать службу спасения...»

— Потерпи, брат, — повторял Орехин, заходя в вольер к каждому из своих подопечных.

Он говорил это не только собакам. Себе тоже. Когда Городок питомцев построят, он и сам поселится в нем. Будет ухаживать за животными, встречать посетителей, проводить экскурсии.

Он все силы положит, чтобы сохранить настоящее для того, кто однажды придет за ним. Денис это будет, или сын женщины в красном пальто, или Сонин ученик из далекой деревни — кто бы ни был.